

— Если есть стебли морской капусты, станешь крепким.

...Вот так, объясняя Ха Нылю, почему нужно есть овощи, Ын Юль приучал его пробовать снова и снова, пока тот не привыкал к вкусу. Со временем ребёнок стал спокойно есть даже пибимпаб, но вот с одним овощем так и не справился — с баклажанами.

Ха Ныль понимал, что баклажаны полезны, пытался есть их, но никак не мог привыкнуть. Отвращение становилось только сильнее, и в итоге Ын Юль перестал его заставлять. «Почему же он так не переносит баклажаны?» — думал он. И вот, оказалось, причина была совсем в другом.

— Сон Ын Юль.

Перед ним выросла чья-то большая тень. Ын Юль даже не поднял голову, чтобы посмотреть, кто это. Вместо этого достал телефон и куда-то позвонил:

— Алло, это полиция? Меня тут вымогают, приедьте спасите ме...

Нам Гун Хёк выхватил у него телефон и хотел сбросить звонок, но, когда нажал на экран, понял, что там ничего нет. Он попался на удочку, иронично усмехнулся.

— Ты что творишь?

— Предупреждаю, — спокойно ответил Ын Юль и лишь поднял голову, посмотрев на него. — Я у тебя деньги занимал? Нет. Ты долг выкупил? Тоже нет. Письма мне присылал? Пять лет назад говорил, что я тебе должен? Ты хоть раз связывался со мной?

— Ты...

— Я ничего такого не слышал, но деньги всё равно заплатил. Потому что не рассчитывал, что ты будешь действовать по закону. С каких это пор я должен ждать честности от бандита? — усмехнулся Ын Юль.

Да, пять лет назад Сон Ын Юль заслужил наказание, но появляться сейчас подобным образом — уж слишком.

— Бандит... Ты думаешь, это просто слово?

— А ты что, считаешь, что одними кулаками всё решается? Где бы я ни работал — это моё дело. А ты хотел силой меня затащить. И что, я должен был молча стерпеть?

Ын Юль повысил голос, и прохожие стали поглядывать. Теперь уже Нам Гун Хёк озирался по сторонам.

— Эй, человек, у меня ребёнок! Чего ты от меня хочешь?!

— Чего... Ты потише, слова-то выбирай.

— Смешно. Ты три дня давал, чтобы я пошёл с тобой, а теперь прикидываешься невинным? Думаешь, я буду готовить тебе еду и на блюде подавать?

Прохожие начали останавливаться и откровенно смотреть. Нам Гун Хёк, будто не веря всему этому, нервно приглаживал волосы. Теперь стыда уже не осталось.

— Ты и вправду хорошо говоришь.

— Потому ты и приходишь снова. Тебе же весело.

— ...

Ему нечего было возразить. Он ведь действительно не послал подручных, а явился сам — потому что забавляла вспылчивая реакция Ын Юля. Но вовремя опомнился.

— ...Чего ты хочешь?

— Не работать на тебя, — отрезал Ын Юль, отталкивая его плечо и шагая дальше к закуской. Нам Гун Хёк двинулся следом.

— А долг пересчитай по законному проценту. Даже это — уже большая уступка.

Слова, что он держал при себе, вырвались наружу только потому, что Кан Ха Джун пообещал защитить Ха Ныля.

— Сон Ын Юль... Я думал, у тебя только руки к еде золотые.

— Сумасшедший. — Ын Юль отвернулся, давая понять, что разговаривать не намерен.

— Но готовишь ты и правда классно. С каких пор?

— В закуской работаю. Разве странно, что умею готовить?

— Ты ж говорил, только обслуживаешь. Не обязан же уметь так готовить.

— Рис тоже накладываю. — Ответил он уклончиво.

— Ну да. Ты же наследник закуской Су-и, тебе положено.

— Какой ещё наследник... — фыркнул Ын Юль, будто речь шла о целой ресторанной империи. Но когда его губы предательски дрогнули, Нам Гун Хёк встал рядом, уловив это. Ему понравилось. Вот почему он отказался от, того чтобы отправлять помощников. Наверняка и его приход предугадал.

— А когда ты снова встретился с Кан Ха Джуном?

— Тебе-то какое дело?

— Я ведь на пять лет старше, знаешь?

— Тебе-то какое дело?

Нам Гун Хёк с интересом посмотрел на него, потом опять сказал своё:

— Просто думал, ты до сих пор не отпустил его.

— Не твоё дело.

— А если из-за Хён Чжэ Ха не удастся закрыть глаза?

На эти слова Ын Юль замер. Взгляд по-прежнему был устремлён к закуской, но лицо ясно выдавало, что он обдумывает услышанное.

— Я говорю это, потому что боюсь, что ты снова окажешься между ними. Мы ведь уже не мальчишки...

— Да пошёл ты.

— Ч-что?

— Лук-порей забыл купить.

— Ты вообще слышишь, что я говорю?

— А зачем мне вникать в то, что ко мне отношения не имеет? — буркнул Ын Юль и пошёл дальше. Нам Гун Хёк смотрел ему вслед.

— «Не имеет отношения»? — Получается, он и правда не хочет больше лезть в их отношения. Но тогда зачем вчера пошёл за Кан Ха Джуном?

Перед тем как открыть закусочную, Ын Юль был на кухне с Лим Бон Су.

— Говорят, ты дверь сломал и сбежал.

Хотя двигался только Ын Юль. Лим Бон Су сидела, скрестив руки, и только выпрашивала.

— Это не я сломал. Я уже связался с хозяином и сказал, что починю. — Он попробовал бульон в кастрюле, где тушилось мясо. В самый раз: и сладость, и глубина вкуса.

— Сволочь.

— Бабушка, ну почему сразу ругаться? Я сказал же — дверь починят, и извинился.

— А почему сюда не пришёл?! — вдруг закричала она так, что Ын Юль аж подпрыгнул. Из-за этого брызги супа попали на руку, и он поспешно слизнул их.

— Ай, напугали же!

— Без слов всё ясно: почему ты не пришёл сюда, а пошёл куда-то ещё?!

Ын Юль отвёл взгляд, прячась за тем, что облизывал руку. Изначально он и собирался сюда. Но, когда появился Нам Гун Хёк и заявил, что пойдёт за ним до конца, пришлось изменить планы. Не потому, что он не доверял бабушке...

— ...Потому что...

— Чего?

— Мне было неловко.

Ведь бабушка Лим Бон Су точно встала бы за него горой. Даже вопрос с долгами удалось сдвинуть с места только потому, что она позвонила знакомому адвокату — постоянному

клиенту, заманив его в закусочную.

— Неловко, говоришь?

— Ну да. Потому что вы бы снова начали громко ругаться, защищая меня с Ха Нылем! А я этого не хотел.

— А ты чего сам орёшь?

— Так вы сами начали кричать!

— Чёрт... Да ори уже сколько влезет!

— Бабушка, почему вы так о себе не заботитесь?

— И что мне с этим телом делать?

— Беречь! Тогда дольше проживёте.

— И зачем мне долго жить?

— Да как зачем? Это же хорошо!

— Вот паршивец...

Когда она схватилась за крышку кастрюли, Ын Юль сразу сжался.

— Только не бейте!

— Подгорит!

— А...

Он поспешно отодвинул кастрюлю и помешал еду. Ничего не пригорело, запах тоже был в порядке.

— Чуть мои рёбрышки не испортил! — вздохнула она.

Он с трудом вытащил большую кастрюлю, которой обычно не пользовались, но теперь был

доволен — старания не пропали.

— А рёбрышки-то зачем готовишь?

— Есть кому дать.

— Кому?

— Есть один человек... от которого я меньше всего хотел бы зависеть.

Мысль о том, что он остался в долгу перед Кан Ха Джуном, была для него ужасно неприятной. Пусть обстоятельства вынудили, но легче от этого не становилось.

Утром он заметил в холодильнике рёбрышки. Неизвестно, когда ещё представится случай их приготовить, но важнее было другое — показать, что его еда вкуснее.

«Накормлю чем-то по-настоящему вкусным, и смогу чувствовать себя свободно».

Ведь ничто так не бьёт по самолюбию, как еда. Вспомнив утро, как неловко сидели за одним столом, Ын Юль сжал губы и сосредоточился на готовке.

— Я покажу, что со мной не так-то просто.

Пробормотав это, он заметил недовольный взгляд Лим Бон Су.

— Чёрт бы побрал... Вот бы ты и со мной так старался!

— С вами же всё по-другому.

— Да чем я не такая?

— Вы — бабушка. Та, кто меня любит и защищает.

— А недавно говорил, чтобы я себя берегла!

— Ой, не знаю я...

Они снова начали кричать друг на друга. А в зале, за столиком, Нам Гун Хёк, закрыв уши, буркнул:

— Потерянная бабушка, что ли. Один в один.

<http://bllate.org/book/14449/1277825>